

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-16-21
УДК 13(470.342)(045)

Взгляды П.И. Новгородцева на нравственную философию В.С. Соловьева

Е.А. Счастливцева^а, М.А. Бархоленко^б

Вятский государственный университет, Киров, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-2832-7748>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-2698-9163>

АННОТАЦИЯ

Цель статьи — раскрыть содержание и философскую подоплеку дискуссии 80–90-х гг. вокруг поздних славянофилов, в которой, по всей видимости, участвовал и Владимир Сергеевич Соловьёв. Исследование базируется на общем аналитическом подходе и герменевтическом понимании текста с учетом современных дискуссий в области российской истории и философии права. В ходе работы выявлены основания критики Соловьёвым идей славянофилов и перехода его в лагерь поздних славянофилов и западников, а также — идейная проблематика соотношения политических взглядов западников и поздних славянофилов, оказавшая немалое влияние на общественно-политическую обстановку в стране к началу XX в. Раскрывая философские взгляды В. Соловьева, авторы обращаются к его позиции по отношению к праву, нравственную оценку которой дает Павел Иванович Новгородцев.

Ключевые слова: Владимир Соловьёв; Павел Иванович Новгородцев; славянофилы; нравственная философия права; нравственная философия Толстого и Достоевского; нравственный прогресс; социально-общественное устройство

Для цитирования: Счастливцева Е.А., Бархоленко М.А. Взгляды П.И. Новгородцева на нравственную философию В.С. Соловьева. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(1):16–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-16-21

ORIGINAL PAPER

The Views of P.I. Novgorodtsev on the Moral Philosophy of V.S. Solovyov

E.A. Schastlivtseva^a, M.A. Barkholenko^b

Vyatka State University, Kirov, Russia

^a <https://orcid.org/0000-0002-2832-7748>; ^b <https://orcid.org/0000-0003-2698-9163>

ABSTRACT

The article purpose is to reveal the content and philosophical background of the discussion of the 80s-90s concerning the late Slavophiles, in which, apparently, V. Solovyov also participated. The research is based on a general analytical approach and hermeneutical understanding of the text, taking into account modern discussions in the field of Russian history and philosophy of law. We revealed the reasons for Solovyov's criticism of the ideas of Slavophiles and his transition to the camp of late Slavophiles and Westerners. Further, we noted the ideological problems of the correlation of the political views of Westerners and late Slavophiles, which had a considerable impact on the socio-political situation in the country by the beginning of the twentieth century.

Keywords: V. Solovyov; P.I. Novgorodtsev; Slavophiles; moral philosophy of law; moral philosophy of Tolstoy; Dostoevsky; moral progress; social and social structure

For citation: Schastlivtseva E.A., Barkholenko M.A. The views of P.I. Novgorodtsev on the moral philosophy of V.S. Solovyov. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(1):16–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-1-16-21

Творчество Владимира Соловьёва сегодня активно изучается и в России, и за рубежом [1, 2]. В данной статье мы будем говорить не о нравственной концепции Павла Ивановича Новгородцева и не о сопоставлении его идей с идеями философа, а о значении нравственной философии Соловьёва в правовой теории. Новгородцев в своей статье выступает арбитром спора между условно «западниками» (Чичерин, Петражицкий) и славянофилами (поздними славянофилами), а также русскими писателями Толстым и Достоевским [1]. Взгляды П.И. Новгородцева в целом не совпадали с нравственной доктриной Соловьёва «как минимума права» [4, с. 100]. Однако мы, тем не менее, поставим проблему эволюции взглядов Соловьёва, сопряженных с социально-экономическими отношениями XIX в., а затем и начала XX в. в России. Новгородцев поднимает вопрос о противостоянии правовых идей в российском обществе, о неоднородности его идейной стратегии, о направленности либеральной общественности в сторону западной идеологии, и не только в политике, но и в религиозной сфере. Новгородцев в своей торжественной речи говорит о том, каким образом Соловьёв вскрывает противоречия в идейном наследии славянофилов, почвенников (Достоевский), вскрывает идейную подоплеку и основание дискуссии Толстого с государством по поводу права, в чем Новгородцев и видит основную линию и значение нравственной философии Соловьёва. С этой точки зрения позиция мыслителя и была им поддержана. Все, что касается личности, было близко не только Соловьёву, но и Новгородцеву [5], и являлось одновременно также основной темой в творчестве Достоевского [6], и связывало писателя и философа творческим общением. Всех их, в том числе и славянофилов, объединяло влияние на них немецкой классической философии, в частности Канта, Шеллинга и Фихте [7].

По мнению П.И. Новгородцева, В. Соловьёв полагал, что общественная организация и общественные учреждения, безусловно, важны для нравственного прогресса, и в этом смысле эта проблема составляет одну из нравственных основ его философии. Сам философ превосходно писал об этом, так что Новгородцев причислил бы его к видным защитникам правовой идеи среди других философов XIX в. Новгородцев отмечает, что всякий нравственный авторитет юридической

науки к началу XX в. уже утрачен. Так, Чичерин и Петражицкий даже заявили о разложении правосознания в современной науке. Но почему же так произошло на рубеже XIX–XX вв.? Во-первых, иссякло всякое доверие к юриспруденции, а точнее, к нравственной силе в праве. Во-вторых, право стало пониматься как «право силы». Теперь, говорит Новгородцев, раздаются голоса о том, что право есть орудие раздора и борьбы, для которого чужды нравственные начала. Толстой даже объявляет право насилием.

В. Соловьёв, напротив, пытался отстоять идеальную, нравственную силу права, обнаружить его силу против «права силы». При этом Соловьёв ставил себе задачу отстоять нравственные начала в праве и распространить эту идею среди людей [3, с. 286]. Борьба философа за идеальную чистоту права шла рука об руку с борьбой против тех философских течений, «которые выросли на почве непонимания нравственной специфики права». Прежде всего, это были, как считал Соловьёв, идеи славянофилов, обладавших иллюзией, что будто бы право для некоторых благословенных Богом народов (Россия) вовсе не нужно. Затем Соловьёв ответил на критику Толстого в отношении права. В итоге, философ отстоял свою идею. Толстой же утверждал, что право вредно и безнравственно [3, с. 287].

У славянофилов обозначилось, что «призванный к небесному русский народ» не должен заботиться о «земном», а потому вообще все внешние формы, а значит, и правовой порядок, не имеют для него никакого значения. Поначалу Соловьёв был увлечен идеями славянофильства, но в дальнейшем все более стал уклоняться в сторону синтеза Востока (славянства) и Запада (европейцев). Для него право уже не было чем-то внешним, формальным. Он прямо заявлял: «Россия обладает, быть может, великими и самобытными духовными *силами*, но для проявления их ей во всяком случае нужно принять и деятельно усвоить те общечеловеческие *формы* жизни и знания, которые разработаны Западной Европой. Наша вне-европейская или противу-европейская самобытность всегда была и есть лишь пустая претензия; отречься от этой претензии есть для нас первое и необходимое условие всякого успеха» [3, с. 289]. Но в чем Соловьёв видел нравственный долг России? Она должна отказаться от «права силы» и признать «силу права». В этом смысле очень показательны строки, помещенные в предисловии ко второ-

му изданию его статьи «Национальный вопрос в России»: «О Русь! в предвиденье высокою Ты мысля гордой занята; Каким же хочешь быть Востоком: Востоком Ксеркса или Христа?». В чем же Соловьёв видел проявление в государстве права силы? Он говорил, что русский народ находится на «положении раба» [3, с. 288], в тяжелом экономическом состоянии, ведь после отмены крепостного права это становилось очевидным фактом. С политической стороны, в российском обществе 80–90-х гг. XIX в. разгорелись дискуссии поздних славянофилов. Наряду с В. С. Соловьёвым и П. Н. Милюковым начало к тенденции западной историографии положил и К. Леонтьев [см.: Медоваров М. К. Н. Леонтьев и позднее славянофильство: уроки спустя столетия. Доклад на конференции «Русская идентичность и будущее православного мира в эпоху глобализации» (https://ruskline.ru/analitika/2011/10/13/kn_leontev_i_pozdnee_slavyanofilstvo_uroki_spustya_stoletie/). С. Н. Трубецкой, например, считал Леонтьева «разочарованным славянофилом». Уже в 1914 г. А. С. Глинка-Волжский писал, что «белое» славянофильство 1840-х гг. разложилось на «агато-черное» учение Леонтьева, «бледно-розовую» утопию Соловьёва и «лазурное» почвенничество Достоевского (https://ruskline.ru/analitika/2011/10/13/kn_leontev_i_pozdnee_slavyanofilstvo_uroki_spustya_stoletie/). Тем не менее с конца 80-х гг. Соловьёв начинает порывать со славянофильством и переходит в стан западников. В этом можно убедиться, рассмотрев программу поздних славянофилов, а именно его правого крыла, требовавшего свобод граждан, освобождения Церкви от синориальной опеки государства, созыва земельного собора как законосовещательного усиления личного органа при самодержавном царе. Как пишет М. Медоваров, действительно, в правом крыле позднего славянофильства усиливаются некоторые черты либерализма, которые со временем должны были вырождаться в некий национальный либерализм на европейский манер (октябристы, например) буржуазно-капиталистической ориентации. По этому поводу пророческими выглядят разъяснения К. Леонтьева: «Быть против конституции, всеобщей подачи голосов, против демократического индивидуализма, стремящегося к власти, и быть в то же время за бессловность, за политическое смешение высших классов с низшими — значит, отличаться от новейшей Европы не главными и существенными чертами социального идеала,

а только степени их выразительности... Равноправность гражданская переходит в равенство политическое, и свобода личная присваивает себе скоро власть конституционную», и «под боярским кафтаном московских мыслителей кроется обыкновенная блуза западной демократии» (https://ruskline.ru/analitika/2011/10/13/kn_leontev_i_pozdnee_slavyanofilstvo_uroki_spustya_stoletie/).

В чем корни неверия в силу права у Толстого? И в чем же проявляется вера в духовную свободу у Соловьёва по сравнению со славянофилами?

Источник нравственного эгоизма Соловьёв находит в славянофильстве. В этом по преимуществу выразился либерально-христианский [8] проект его философии. Этому вопросу посвящен блестящий очерк мыслителя «Национальный вопрос в России» [3, с. 288]. Соловьёв, пишет П. И. Новгородцев, мастерски вскрыл всю «фальшь» славянофильского идеала, но что самое важное — показал логическую связь первоначального славянофильства с позднейшим национализмом, которое в самих недостатках России стремилось видеть ее преимущество. Славянофилы выступали за объединение народа и власти (что должно представлять силу, то самое право силы, которое критиковал мыслитель), и тем дальше они были от добра и правды. Но теперь, говорит Новгородцев, идеи славянофилов окончательно устарели. Новый исторический этап требует новых подходов, и государство показало всю «фальшь» и безысходность своих действий. Но что же предлагает философ, чем снабдил он свою силу права, какими реальными возможностями он оперировал? Он апеллировал к политическим правам и свободам, которые, по мнению славянофилов, были не нужны русскому народу. Но после отмены крепостного права все стало по-другому. Начал рушиться сословный строй, и новые гражданские права потянули за собой ворох политических прав, а этого и не учло позднее славянофильство, с которым полемизировал Соловьёв. Поэтому политические права и свободы всегда нужны, полагал Новгородцев [3, с. 291]. Славянофилы выступали за нравственную свободу духа русского народа, но философ основательно показывает, что нравственная свобода без реальных гарантий государства и права остается «пустой фикцией». Конечно, он признавался, что в настоящем идеальном обществе нет места государству и политике, но на переходном этапе, в настоящем историческом моменте они

необходимы. Государство имеет своей целью «охранять принудительно равновесие частных своекорыстных сил и полагает пределы всяким эгоистическим захватам», пока не водворится среди людей совершенная солидарность [3, с. 291]. Государство сдерживает развитие зла и тем самым способствует очищению пути к будущему идеальному благу общества. Поразительно, что в XIX в. люди верили, что общественный идеал достижим, или верили в сам путь к этому идеальному общественному устройству. XX в. показал, что это далеко не так. Даже советское общество, в чем-то походившее на более совершенное государственное устройство по сравнению с капиталистическим обществом, в конечном итоге распалось на мелкие разлетевшиеся осколки.

Таким образом, В. Соловьёв мастерски вскрывает противоречия славянофильского понимания нравственной свободы (свобода и нравственность без государства и его политики — гражданская свобода). Новгородцев находит здесь смысл в том, что Соловьёв выступает поборником идеи правового государства, такой близкой самому Новгородцеву. С другой стороны, правовое государство не было для Соловьёва «последним выражением нравственной солидарности». Он мечтал о теократическом государстве. Новгородцев показывает момент перехода Соловьёва от славянофилов к западникам. Это случилось в конце 80-х гг. XIX в., когда была напечатана его статья «Национальный вопрос в России» [3, с. 292]. Соловьёв становится западником, либералом (в сочетании христианской идеи с западной доктриной свободы и гуманности).

Западные настроения философа, пишет Новгородцев, вытекали из его веры в общечеловеческие идеалы и ценности. Он верил в культурное возрождение России, в ее культурную работу. Это западный подход, но и философское созерцание Соловьёва предполагало, что дух должен преобразовать весь мир посредством своей благости. Вся природа, весь мир должны проникнуться божественными началами. Дух христианства должен восторжествовать над миром. Таким образом, по мнению В. Соловьёва, из основ христианского дела должен вытекать дух просветительства и культурной работы [3, с. 293]. Здесь у него Западничество «вновь получает философское углубление». Это видится в том, что вера философа в общественный прогресс всегда была свойственна и Западу. Но чем более мыслитель останавливался на нравственном прогрессе, тем

яснее он понимал, как необходима была не сколько работа индивидуальной души, сколько «соответствующие изменения общественного строя». Еще в 1883 г. у Соловьёва были другие взгляды, когда он хвалил Достоевского за его «сознательное отвержение всякого внешнего общественного идеала». Он считал, что важнее внутренняя работа каждого человека над самим собой, над воспитанием в себе нравственной основы. Для Соловьёва конца 80-х гг. этого уже было недостаточно. Теперь встал вопрос об обуздании нравственного эгоизма и произвола власти. Эволюция взглядов Соловьёва, как проанализировал Новгородцев, вызывает особый интерес, поскольку выказывает пути и проблемы перерождения идей философа, их эмоциональную и философско-мировоззренческую подоплеку. Но уже в сочинении 1891 г. Соловьёв заявил, что христианство должно быть общественным, что «наряду с индивидуальным душеспасением оно требует *социальных* реформ» [3, с. 295]. Эволюция взглядов Соловьёва была очень близка самому Новгородцеву в этот период (рубеж и начало XX в.), когда он также полагал, что стране нужны социальные реформы [9]. Его вера в социальные преобразования и (вместе с тем) естественно-правовую доктрину, а также в слияние права и государства на благо всего народа заряжала мыслителя и в отношении философско-нравственного наследия Соловьёва. В конечном итоге, говорит Новгородцев, плоды его вылились в «Оправдание добра», явившимся сводом всей нравственной философии великого русского мыслителя и общественного деятеля. Он отмечает, что в этом труде Соловьёв разработал моральную доктрину: эта вера в добро как некую силу, которая над всеми восторжествует и «через все осуществится» [3, с. 295]. Соловьёв хочет, как и Гегель, осуществить идеал добра в общественной жизни, а не только показать его отвлеченные начала (начала добра), как это сделал Кант своим утверждением нравственного императива. Новгородцев подчеркивает, что и новейшие кантианцы идут в том же направлении, что и Соловьёв, и в этом же смысле желают восполнить работу Канта, что весьма важно для самого Новгородцева. Даже, к слову сказать, на этом основании можно считать и самого Павла Ивановича неокантианцем или, по крайней мере, в высшей степени им сочувствующим. При этом он замечает, что, конечно, юрист в «Оправдании добра» найдет много промахов и недочетов, но не сможет не отметить глубокого доверия философа

к идее права. С особой горячностью Владимир Соловьёв подчеркивает значение нравственных учреждений в деле морального прогресса. Нам остается только удивляться этой его безграничной вере в торжество морального прогресса, в нравственную ценность правовых учреждений. Соловьёв не видит опасности, исходящей хотя бы со стороны мирового сообщества, западных стран, не говоря уже о многих внутренних противоречиях, царящих в российском обществе. С этих современных позиций становится более привлекательной и понятной полемика Соловьёва и Толстого, отрицающего «все правовые установления» и исповедовавшего теорию о «непротивлении злу насилием». В то же время восхищает вера Соловьёва в торжество справедливости, которая обязательно последует за признанием права высшей общественной ценностью. Философ дает обстоятельную критику толстовской нравственной доктрины, что, по мнению Новгородцева, не проделал никакой другой философ [3, с. 296].

Какие же философско-нравственные основания лежат в основе взглядов Льва Толстого? Соловьёв считает, что когда отвергают право в самой идее, то забывают его как выражение справедливости и свободы. Государство, по его определению, это «собираательно-организованная жалость». Философия В. Соловьёва — это торжест-

во добра и веры в христианский идеал. Эти взгляды противоречили «свободомыслию» Толстого, полагавшего, что государство, основанное на праве силы, — это орудие насилия и подавления свободы, и потому не видевшего в государстве воплощения красоты, добра и правды.

Социально-христианские идеалы, которые исповедует Соловьёв, несмотря на либеральную направленность его идей, очень важны для понимания современной России [10, с. 11]. Даже Новгородцев, который придерживался либеральных взглядов, после Октябрьского переворота обращается к христианским ценностям и Достоевскому как хранителю духовной культуры и культурного кода русского народа. В связи с этим уместно было бы упомянуть и о панславизме Фёдора Тютчева как такой проекции исторических взглядов славянофилов [11], которая противостоит Западу с его формальной законностью и равноправием. Следуя западным традициям конституционализма, Россия не справилась с вызовом, стоящим перед ней в последнюю эпоху царизма, и перед ней раскрылись возможности социального государства нового типа. В этом государстве были приложимы социально-правовые идеи Новгородцева, но, к сожалению, философ не застал этот период, поскольку в 1924 г. его не стало.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Макаров М.В., ред. Соловьёвские исследования. Периодический сборник научных трудов. Вып. 20. Специальный выпуск. К 10-летию Соловьёвского семинара. Иваново: Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина; 2008.
2. Димитрова Н.И. Владимир Соловьёв и болгарская философская мысль II половины XX века. Соловьёвские исследования. Вып. 3 (27). Иваново: Ивановский государственный энергетический университет им. В.И. Ленина; 2008. С. 78–85.
3. Новгородцев П.И. Сочинения. М.: Раритет; 1995:285–299.
4. Бажов С.И. К вопросу о теоретической проблематике философии права П.И. Новгородцева. *История философии*. 2016;21(1):97–107.
5. Зелинский В.Е. Естественное право и принцип личности в философской мысли П.И. Новгородцева. *Философия права*. 2014;5(66):7–9.
6. Малинов А.В., Куприянов В.А. Рецензия на книгу И.И. Евлампиева «Русская философия в европейском контексте». *Вопросы философии*. 2018;(10):214–217.
7. Коваленко Н.С. Проблема личности в философском наследии славянофилов. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Мурманск; 1999.
8. Ермичев А.А. О наследовании в истории русской философии. *Вопросы философии*. 2018;(8):96–103.
9. Фролова Е.А. Идеи социального и правового государства в философии права П.И. Новгородцева. *Государство и право*. 2018;7:57–65.
10. Фоминская М.Д. Христианские ценности в русской философии права. *Философия права*. 2014;5(66):11–14.
11. Понкратова А.Н. Панславизм и Ф. Тютчев. *Культурная жизнь Юга России*. 2009;3(32):128–129.

REFERENCES

1. Makarov M. V., ed. Soloviev's research. Periodic collection of scientific papers. Issue 20. Special issue. To the 10th anniversary of the Solovyov seminar. Ivanovo: Lenin Ivanovo State Power Engineering University; 2008. (In Russ.).
2. Dimitrova N. I. Vladimir Solovyov and Bulgarian philosophical thought in the second half of the twentieth century. Soloviev studies. Issue 3 (27). Ivanovo: Lenin Ivanovo State Power Engineering University; 2008:78–85. (In Russ.).
3. Novgorodtsev P. I. Works. Moscow: Rarity; 1995:285–299. (In Russ.).
4. Bazhov S. I. To the question of the theoretical problems of the philosophy of law P. I. Novgorodtseva. *Istoriya filosofii = History of Philosophy*. 2016;21(1):97–107. (In Russ.).
5. Zelinsky V. E. Natural law and the principle of personality in the philosophical thought of P. I. Novgorodtseva. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. 2014;5(66):7–9. (In Russ.).
6. Malinov A. V., Kupriyanov V. A. Review of the book by I. I. Evlampiev "Russian philosophy in the European context". *Voprosy filosofii = Philosophy questions*. 2018;(10):214–217. (In Russ.).
7. Kovalenko N. S. The problem of personality in the philosophical heritage of the Slavophiles. Abstract of the thesis. diss. ... Cand. Philos. sciences. Murmansk; 1999. (In Russ.).
8. Ermichev A. A. On inheritance in the history of Russian philosophy. *Voprosy filosofii = Philosophy questions*. 2018;(8):96–103. (In Russ.).
9. Frolova E. A. Ideas of a social and legal state in the philosophy of law of P. I. Novgorodtsev. *Gosudarstvo i pravo = State and law*. 2018;7:57–65. (In Russ.).
10. Fominskaya M. D. Christian values in Russian philosophy of law. *Filosofiya prava = Philosophy of law*. 2014;5(66):11–14. (In Russ.).
11. Ponkratova A. N. Pan-Slavism and F. Tyutchev. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii = Cultural life of the South of Russia*. 2009;32(3):128–129. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Анатольевна Счастливецова — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет, Киров, Россия
abcr@yandex.ru

Максим Александрович Бархоленко — аспирант кафедры культурологии, социологии и философии, Вятский государственный университет, Киров, Россия
barmaxal@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Schastlivtseva — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Culturology, Sociology and Philosophy, Vyatka State University, Kirov, Russia
abcr@yandex.ru

Maksim A. Barkholenko — Postgraduate student, Department of Culturology, Sociology and Philosophy, Vyatka State University, Kirov, Russia
barmaxal@yandex.ru

*Статья поступила 27.11.2021; принята к публикации 10.12.2021.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 27.11.2021; accepted for publication on 10.12.2021.
The authors read and approved the final version of the manuscript.*